

РОССИЙСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?*

А.П. Щиганков

Мы, русские, ничего не сделали для *человечества* именно потому, что у нас нет, не явилось, по крайней мере, *русского взгляния*.

К.С. Аксаков [3]

Назрел поворот к изучению реальности во всех ее противоречиях и созданию собственной теории, которая перестала бы видеть в местных особенностях, не вместимых в западные схемы, отклонения и патологию.

А.Д. Богатуров [1]

Введение

Российская наука международных отношений вступает в особый период своего развития. За двадцать с лишним лет после распада Советского государства пройден значительный путь, освоен богатый массив эмпирического и теоретического материала, выработан ряд интересных концепций и подходов¹. Вместе с тем в развитии российских международных исследований обнаружились и немалые проблемы, связанные с характерными для этапа становления научной дисциплины трудностями идейного и материального характера. Все еще вяло развиваются эмпирические исследования, в то время как теоретические работы страдают чрезмерной абстрактностью. Общий кризис системы общественных наук в России, отчасти связанный с распадом марксистской парадигмы, сказывает-

ся и на развитии международных исследований. Мир же ощутимо изменился, оставляя позади полосу однополярной глобализации и обнаруживая целый ряд новых экономических, политических и этнокультурных разломов². Готовы ли мы к его осмыслению? Обладаем ли необходимым для этого методологическим и теоретическим инструментарием? Способны ли российские международники ответить на новые вызовы времени?

Данная статья предлагает осмысливать новые мировые реалии на путях развития российской теории международных отношений (РТМО). На переломном этапе мирового развития теории могла бы принадлежать инициатива в определении наиболее важных сфер эмпирического анализа и внешнеполитической практики. К сожалению, РТМО все еще находится в процессе формирования, нередко раздираясь в

* Значительная часть идей статьи детально обсуждается в: [12].

¹ Подробнее развитие российских международных исследований анализировалось в: [7], [5].

² Подробный анализ новых явлений в международных отношениях предпринимался в России в недавних работах: [8], [6].

противоречиях и борьбе взаимоисключающих подходов. Среди российских международников-теоретиков сформировались представители универсалистского и изоляционистского мышления. Если первые считают, что главное — это как можно быстрее интегрироваться в западное профессиональное сообщество международников, то вторые рассматривают такой путь как гибельный, видя в нем отказ от собственной системы ценностей и призывая к интеллектуальной автаркии. Хорошо известный спор западников и почвенников находит свое отражение и в обсуждении путей развития РТМО.

Приглашая читателя к обсуждению возможных путей развития РТМО, я исхожу из необходимости преодоления этих крайностей. Отчасти такое преодоление было бы возможно в результате сокращения сложившегося в российской университетской практике разрыва между преподаванием международных отношений (МО) и русской политической мысли. Если политологи и философы изучают историю политической, в том числе отечественной, мысли, то международники чаще всего проходят курсы по основам западной теории международных отношений. Эти направления нуждаются друг в друге в целях дальнейшего развития, но разведены по разным подразделениям и факультетам. Для развития международных исследований в России необходимо глубокое знание своих собственных интеллектуальных корней, что невозможно без изучения русской мысли. Без движения в этом направлении нормальная для развития РТМО дискуссия между западниками и почвенниками будет тяготеть к чрезмерной идео-

логизации, затрудняя развитие теории. Если обозначенный разрыв будет преодолен, то в России со временем могли бы сложиться условия для формирования национальной школы в глобальной ТМО. Такая школа возникла бы на стыке международных отношений и истории отечественной мысли.

В развитие данной мысли в статье рассматриваются тенденции вестернизации и этноцентризма в глобальной ТМО, а также существование нового теоретического спора о возможности формирования универсальной теории познания мира. На этом глобальном фоне я предлагаю рассматривать вопрос о формировании РТМО, точки роста которой вижу на путях обращения к традициям русской мысли. Выступая с критикой универсалистских позиций, я ни в коем случае не хочу быть понятым как изоляционист. Опасность изоляционизма, хотя и ослабла за последнее двадцатилетие, все же не преодолена, о чем свидетельствуют активно развивающиеся конспирологические и псевдонаучные изыскания за пределами академических структур. В лучшем случае изоляционистская тенденция задержит и без того затянувшуюся выработку ответов на вопросы о российской идентичности и связанное с этим развитие РТМО. В худшем — вернет нас к удушающему творческую мысль догматизму.

Для меня очевидно, что любая ТМО может плодотворно развиваться лишь в процессе активного диалога российских исследователей со своими коллегами в западных и незападных странах. Надеюсь, что именно в ходе такого диалога выявится самобытность российской мысли, ибо, как писал еще Владимир Соловьев, «мы неизбежно налагаем

свой национальный отпечаток на все, что мы делаем» [9]. Надеюсь и на то, что, размышляя о своем вкладе в глобальное интеллектуальное сообщество, российские теоретики не забудут и об ответственности за формирование желаемого образа будущего страны и мира в целом. Ведь любая социальная теория предполагает не только анализ фактов, но и творческое выстраивание образа общества с характерной для него системой смыслов и ценностей.

Вестернизация и этноцентризм в ТМО

Социальное познание давно занимает умы обществоведов. Дискуссии на эту тему вспыхивают и затухают периодически, отражая амбивалентность веры в универсальность и прогрессивный рост знания. В XX столетии начало дискуссий было положено теоретиками так называемого «логического позитивизма», сформулированного последователями Венского кружка в Европе. Следующим крупным этапом стала коррекция логического позитивизма Карлом Поппером с его «критическим рационализмом» и стремлением изменить принципы проверки научного знания. Основатель критического рационализма, в частности, утверждал, что знание не может быть научным, если оно сформулировано как нефальсифицируемое, т.е. если не предложены принципы и условия, при которых прежняя гипотеза будет считаться недееспособной. Затем подошло время «научных революций» Томаса Куна. Кун провел жесткое разграничение между «нормальной наукой» и научными революциями и указал на необходимость понимания социально-групповых условий, дикту-

ющих переходы от одной «парадигмы» нормальной науки к другой. Тем самым исследователь ближе своих предшественников подошел к принципам социологии знания, ряд которых задолго до него были сформулированы в Европе Карлом Мангеймом и Максом Вебером.

Согласно последним, трактовка общественного знания не исключает, а предполагает понимание социокультурных особенностей его формирования. Дискуссии на темы методологии научного познания продолжаются, но большинство представителей сообщества международников согласны с принципом социальной обусловленности знания. Сегодня уже мало кто верит в сформулированные в рамках Венского кружка сциентистские принципы «логического позитивизма». Да и сам позитивизм стал более сложным и интересным, выйдя далеко за пределы «логического позитивизма» и в целом восприняв критику теории абсолютной и универсальной истины. Общественная наука не свободна и не может быть свободна от идеологии в том смысле, в каком ее понимали вслед за Карлом Марксом социологи Мангейм и Вебер. Будучи частью общественного сознания, обществоведение активно воспроизводит и продуцирует национальные идеологемы и мифы. Полностью освободиться от этих мифов общественным наукам не под силу, хотя не стремиться к этому нельзя.

В силу обозначенной зависимости познания от особенностей культурного и идеологического контекста многие социальные теории являются этноцентрическими в своей основе. В антропологии и социологии этноцентризм при-

нято определять как убежденность в «естественном» превосходстве собственной культуры по отношению к остальным³. Этноцентрическая теория защищает ценности своей культуры и базируется на нравственном превосходстве одного культурного сообщества над другими. В этом случае другие воспринимаются как недостаточно цивилизованные и представляющие потенциальную угрозу. Специалисты по развитию науки, в том числе социальной, пришли к выводу, что такая убежденность формируется в ходе исторического развития и коренится в институциональных, социальных и цивилизационных структурах общества [30]. Менее склонные к этноцентризму теории определяют «свои» моральные ценности как открытые переоценке, а не абсолютные и неизменные. При этом они рассматривают альтернативные сообщества не столько как угрозу, сколько как источник нового знания.

Теории международных отношений также не свободны от этноцентризма и нередко основываются на жестких посылках породившей их культуры. По справедливому замечанию американского политолога Стэнли Хоффмана, международные отношения являются «американской общественной наукой», отражая и теоретически закрепляя видение мира через призму западной цивилизации [32]. Еще более категорично выразился британский международник Эдвард Кэрр, определивший западную науку международных отношений как «наилучший способ управлять миром с позиции силы» [23]. Очевидно, что никакая наука не находится вне време-

ни и пространства. Западное понимание международных отношений было сформулировано применительно к реальностям западной цивилизации и не обязательно является применимым в остальной части мира. В представленном многообразием культурных, этнических, религиозных и региональных традиций мире вообще сложно представить себе единое понимание международных отношений.

Не случайно многие выработанные в рамках западной интеллектуальной традиции теории плохо приспособлены для объяснения событий, происходящих за пределами данной части мира. Вспомним, например, что попытка привить теорию «шоковой терапии» как образец перехода к рыночной экономике в российских условиях завершилась признанием необходимости ее (по меньшей мере) модификации. Широко распространившиеся теории демократического перехода также оказались далеки от универсальности и продемонстрировали необходимость адаптации к незападным социокультурным условиям. Специалисты помнят, что подобная участь постигла и теорию модернизации. Наконец, этноцентрична и теория демократического мира. Согласно данной теории, демократии не воюют друг с другом. Однако социальные корни демократии могут отличаться и далеко не всегда способствуют установлению мира. Так, некоторые из демократизирующихся режимов Евразии оказались милитаристскими, в том числе по отношению друг к другу [10].

Не все теории международных отношений одинаково этноцентричны, но все так или иначе являются выражением национального характера и соци-

³ Хороший обзор литературы содержится в: [50].

окультурной специфики страны и не могут быть механически перенесены на иную культурную почву [11]. Поэтому перспективы создания своего рода глобальной международной теории остаются туманными, ведь национально-культурные различия никуда не исчезли и продолжают определять поведение участников мировой политики. Следовательно, важнейшим для международников является не только вопрос о том, возможна ли международная теория, но и вопрос о ее национально-культурном своеобразии и возможности развития такой теории за пределами западного «центра». Если международной теории не под силу сформулировать универсально действующие законы поведения в мировой политике, то такая теория может стремиться к решению более скромной задачи — выявлению национально-культурных особенностей и традиций в мировой системе, исходя из понимания такой системы как глобально-плюралистической, а не глобально-универсалистской.

Новый теоретический спор: универсальны ли наши знания о мире?

В свете сказанного особый интерес представляет недавний и продолжающийся поныне спор в теории международных отношений. Смысл его связан как с критикой этноцентризма западной теории, так и с выяснением вопроса о том, возможна ли универсальная теория социальных знаний о мире. Этот спор является продолжением и логическим развитием уже состоявшихся споров в ТМО.

Прежние споры могут быть суммированы как движение от полемики среди западных специалистов к постепенному

подключению к теории международных отношений представителей критического направления и ученых, работающих за пределами западного региона. В первой трети ХХ в. активно развивалась дискуссия между выступавшими за запрет войн посредством международного права идеалистами и отрицающими такую возможность реалистами. В середине века дискуссия о принципах мирового порядка дополнилась спором о методологии исследования. Многие международники уверовали в модернистские или количественные методы сбора и анализа информации о мире. В этом споре модернистам противостояли традиционалисты, или сторонники традиционных исторических и правовых подходов. Наконец в последней трети столетия активизировались представители критического и постструктуралитского направления, атаковавшие майнстрим за его консервативность и неспособность переосмыслить международные отношения в связи с возникновением и развитием новых социальных движений в мире. Постмодернисты, феминисты, марксисты и другие поставили под сомнение традиционную рационалистически ориентированную ТМО и ее методы осмысливания происходящих в мире процессов. В 1980-е гг. ответом на вызов постструктурализма в Европе и США стало возникновение конструктивистского направления, занявшегося изучением социальных норм, идей и идентичностей⁴.

В начале XXI в. заделы представителей постструктуралитского направ-

⁴ О спорах в теории международных отношений см.: [16; 27; 38; 14; 4].

ления сделали возможным для ученых поставить под сомнение монополию западного познания международных отношений. Уже в последней четверти XX столетия стараниями Хейварда Алкера и его последователей был остро поставлен вопрос о политической гегемонии и интеллектуальной провинциальности американских теорий МО [16]. Позднее эти усилия привели к активизации сторонников плюрализации процессов познания мира [34; 51; 21; 35; 25; 22; 43; 42; 41; 29; 47]. Арлин Тикнер, Оле Вэйвер и Давид Блэйни, предлагающие международные отношения соответственно в Колумбии, континентальной Европе и США, стали инициаторами серии книг о развитии ТМО в различных частях мира [36; 46; 25]. Элен Пелерин выступила редактором франкоязычной книги о преодолении англоамериканского центризма в международных отношениях [39]. Джон Хобсон опубликовал важную книгу, анализирующую колониальный евроцентризм западных теорий международных отношений [31]. Кроме того, среди теоретиков МО возрос интерес к проблемам цивилизации, цивилизационной идентичности и их влиянию на формирование взглядов о мире [49; 24; 20; 44].

Новый спор в теории разворачивается на фоне растущих изменений в социально-политической практике международных отношений. Как и любую другую дискуссию в общественных науках, спор о преодолении вестернизации и западно-колониального наследия трудно понять без уяснения его социальных корней. Корни этого спора следуют искать в постепенном становлении нового мирового порядка, в основе которого находится распад однополяр-

ного доминирования в мире США и западной цивилизации в целом. Этот процесс, начатый террористической атакой исламских радикалов «Аль-Каиды» в сентябре 2001 г., был продолжен подорвавшим экономическое господство Запада ростом Китая и других незападных держав и выразился как в материальном ослаблении западной цивилизации, так и неуклонном снижении ее монополии на использование силы в мире. Сначала российско-грузинский вооруженный конфликт, а затем и гражданская война в Сирии продемонстрировали неспособность США и их союзников ограничить использование силы другими (в том числе против ближайших партнеров), а также мобилизоваться на ее использование в условиях противодействия со стороны России, Китая и других крупных держав.

На этом социально-политическом фоне развивается полемика между новыми сторонниками универсального знания о мире и защитниками плюралистического видения мира и ТМО. Универсалсты исходят из онтологического единства мира, требующего формирования единых рациональных стандартов его постижения. Представители либерального и реалистского направления в западной ТМО считают состоявшимся глобальный мир с характерными для него едиными принципами поведения государств и регулирования международных споров. Для либералов речь идет о формировании международных институтов, в то время как реалисты делают упор на военно-силовое измерение мирового порядка и ведущую роль США в поддержании оптимального для Запада международного равновесия сил. Но и те и другие убеждены, что

единство мира подразумевает единство принципов его познания, а онтологический универсализм должен быть дополнен эпистемологическим. Что касается попыток Китая и других незападных культур сформировать их собственные подходы или школы ТМО, то они видятся как несостоятельные, поскольку ставят под сомнение принципы универсальности научного познания (анализ, верификация и др.) и, следовательно, тяготеют к самоизоляции. Так, например, американский исследователь Джек Снайдер выразил готовность изучать конфуцианство как необходимость осмыслиения китайской стратегической культуры, но отказал ему в праве выступить философским основанием особой китайской школы в ТМО [44].

С критикой попыток сформулировать альтернативные школы теоретирования выступают не только западные реалисты и либералы, но и некоторые представители постструктураллистского направления в ТМО. Не будучи сторонниками вестернизации и универсализма западного типа, они, тем не менее, высказываются в защиту все тех же единых принципов научной верификации, сомневаясь в продуктивности как формирования национальных школ в ТМО, так и самого диалога «западного» и «незападных» подходов [33; 40]. Например, для британской исследовательницы Кимберли Хатчинс уже само противопоставление «западного» «незападному» исключает возможность диалога и на выходе не способно дать ничего, кроме нескончаемой взаимной критики, нового противопоставления и усиления провинциальности [33].

Что касается критиков глобально-универсалистского видения, то они вос-

принимают плурализацию ТМО как естественное отражение плурализации самого мира с его многообразием властных, социальных и культурных отношений. Корни этой позиции нетрудно выявить в работах представителей различных направлений социальной и международно-политической мысли. Так, некоторые представители реалистского направления, подобно уже цитированному Карру, считают, что знание не свободно от политики, а, наоборот, включено в систему властных отношений в мире. Следовательно, объективность познания затруднена неравенством сторон, а претензии на универсализм на поверку стремятся закрепить властные интересы и позиции сильного. Сторонники франкфуртской критической теории, подобно Юргену Хабермасу, заходят еще дальше, считая прогрессивную теорию основой социальной и политической трансформации общества [28]. Что касается уже упоминавшихся представителей социологии знания, то для них непреложным остается анализ социокультурных границ универсализма и социального контекста функционирования идей. Наконец, теоретики, работающие в постколониальной традиции, видят в стремлении к универсализму неспособность понять Другого и желание властвовать над ним⁵.

Означает ли это, что критики универсализма отказываются от участия в формировании единой ТМО? Некоторые из них, вероятно, будут готовы сделать заявления, подобные Фридриху Ницше и представителям французского постмодернизма, согласно которым не только

⁵ Более подробный анализ литературы содержится в: [48].

Бог, но и автор умер, а значит, и тексты более не несут в себе никакой смысловой нагрузки. Некоторые высаживаются в пользу невозможности единого знания, указав на извечность противостояния великих держав в мировой политике. Однако многие продолжают исходить из важности сохранения общей ТМО в качестве основополагающего научного ориентира. Для них глобально-плюралистическое видение мира не только не исключает, но и предполагает стремление к общим эпистемологическим ориентирам, однако наличие диалога различных подходов воспринимается при этом как непременное условие такого стремления. Необходимо отдавать себе отчет и в том, что на пути к формированию единой ТМО существует немало серьезных препятствий, к которым относятся, в частности, зауженные стандарты рациональности и эпистемологии. Недавние исследования методологов ТМО показали, что само понимание науки в МО должно быть существенно расширено⁶. Существуют и предложения расширить эпистемологические границы, выйдя за пределы академической общественной науки и проявив открытость к различным философским изысканиям, ориентированным на производование знаний о мире [15].

Существует ли РТМО?*

Спор о характере познаний о мире находит свое продолжение и среди рос-

сийских теоретиков МО. На сегодняшний день можно говорить о формировании двух полярных позиций.

Во-первых, в российских дискуссиях отчетливо слышны голоса универсалистов, позиция которых близка уже описанной выше точке позиции западных сторонников глобально-универсальной ТМО. Критически оценивая состояние российской науки международных отношений, российские универсалисты связывают его с недостаточно активными усилиями по подключению к глобальной науке. Некоторые из них считают этап освоения мирового опыта изучения МО в основном завершенным, но при этом не усматривают в российских исследованиях необходимого для теоретического развития разнообразия и дискуссий, сетя на доминирование реалистских и geopolитических подходов [5]. Большинство же убеждено, что освоение мирового опыта еще впереди, ибо только интеграция в международное профессиональное сообщество может вывести российскую науку из тупиков изоляционистского развития и попыток сформировать «собственные» теории⁸. Не удивительно, что отношение представителей этой группы к идее создания российской школы МО является отрицательным. В ней усматриваются ничем не подкрепленные амбиции, тенденции к эпистемологическому изоляционизму и попытки оказать на науку идеологическое давление, подобное советскому [40].

Во-вторых, в российских академических и политических дискуссиях присутствует изоляционистская по-

⁶ Американский исследователь Патрик Джексон выявил функционирование четырех научных традиций неопозитивизма, критического реализма, рефлексивизма и аналитизма, см.: [37].

⁷ В этом разделе я отчасти основываюсь на проведенном мною опросе российских международников-теоретиков. Более подробно результаты опроса будут изложены в отдельной статье.

⁸ Ответ А. Макарычева на анкету-опрос. Публикуется с разрешения автора.

зиция, являющаяся объектом критики со стороны универсалистов. Речь идет о тех представителях российской мысли внутри и за пределами академического сообщества, кто сохраняет убежденность, что все необходимое России для ее интеллектуального развития в основном уже создано, причем преимущественно самими русскими. Нам уже приходилось писать о тенденции к изоляционизму в российской науке ТМО, коренящейся в российском комплексе превосходства/неполноценности [13]. В российском интеллектуальном сообществе немало тех, кто убежден как в своем обладании истиной, так и в необходимости развития сугубо российской науки в целях важности противостояния «враждебному» Западу. Любопытно, что, отвергая западные постструктуралистские подходы как чуждые евразийским и православным ценностям России, представители этой группы активно заимствуют западные традиционалистские геополитические теории. Свежим примером творчества представителей данной группы может служить недавняя книга основателя неоевразийского направления российской геополитики Александра Дугина «Международные отношения». Автор книги демонстрирует знание различных направлений ТМО, однако в конструировании своей теории многополярного мира опирается на Сэмюэла Хантингтона, Збигнева Бжезинского и других традиционалистских теоретиков геополитической и геокультурной мысли [2].

Выявленные позиции являются поларно противоположными, не охватывая полностью существо проблемы, с которой сталкивается ТМО.

За двадцатилетний период развития российскими международниками-теоретиками предложен и разработан ряд оригинальных подходов и концепций в осмыслиении мировых тенденций и внешней политики⁹. Потому правомерно говорить о том, что на сегодняшний день ТМО сформировалась в качестве научного направления. Вместе с тем очевидны и серьезные трудности, которые это направление испытывает в своем развитии. Трудно не согласиться с универсалистами, что отчасти эти трудности связаны со все еще слабой интеграцией российских ученых в глобальное сообщество специалистов-международников. У этой темы имеется множество интеллектуальных, институциональных и финансовых граней, каждая из которых должна серьезно обсуждаться. Но необходимо признать и то, что интеллектуальная адаптация к условиям глобального мира едва ли будет успешной без мобилизации собственных традиций общественного мышления. Российским международникам следует обратить внимание на наличие у России собственных и давно развивающихся корней мышления о мире. Об этой стороне проблемы следует сказать особо, тем более что ее решение вряд ли потребует мобилизации значительных финансовых ресурсов.

Как мне кажется, у России за последние несколько столетий сложился огромный, хотя и разрозненный массив теоретических знаний, который вполне может стать основой формирования российской школы в ТМО. С исторической точки зрения, ТМО

⁹ Подробнее см. в: [48].

уже сложилась как система размышлений о мире. Такое положение подпадает под определение ТМО, которые предложили в свое время Алкер и его коллеги и согласно которым международная теория есть система научных и культурно укорененных представлений и размышлений о мире [17, 16, 19]. Под это определение подпадают и западные представления о мире, в основе которых лежит концепция отсутствия легитимирующего центра (анархия), правда, при этом теория анархии утрачивает придаваемый ей значительной частью западных международников ореол универсальности, сохраняя свою значимость в рамках данного сообщества ученых. За пределами же западного мира развивались и продолжают развиваться варианты международной теории иного свойства. Думается, что нет серьезных оснований выводить за пределы теорий международных отношений представления о мире мусульманских, православных и иных теологов и мыслителей, ставящих в центр проблему ценностей и долженствующего поведения. Тем более что из этих представлений исходят не только специалисты-обществоведы, но и практикующие дипломаты и политики.

Что касается РТМО, то в ней сложились не одна, а три заслуживающих внимания международников-теоретиков традиции¹⁰. Ее представители ориентируются соответственно на подражание Западу (западничество), сохранение независимой государственности (державничество) и самобытной системы культурных ценностей (третьяримство). Под традицией я понимаю преемствен-

ность представлений о развитии международных отношений, развивающихся на протяжении нескольких столетий русской истории. У каждой из традиций или школ мышления сложились свои образы России и мировой системы, которые при всех исторических модификациях сохранили свою внутреннюю преемственность и отличия друг от друга.

Характерны, например, отличия западников, державников и третьеримцев в понимании свободы, государства и мировой системы. Русское западничество убеждено в приоритетной ценности свободы, которую оно понимает как освобождение личности и которую находит на Западе, но не в России. Убежденные в неодолимости стремления к индивидуальному освобождению, западники считают западную цивилизацию наиболее развитой и жизнеспособной, а остальной мир — развивающимся в направлении воспроизведения основных ценностей Запада. Первоочередной задачей государства, следовательно, является создание условий свободы, способствуя процветанию и развитию личности. Такие представления существенно отличаются от сформировавшихся в границах двух других традиций русской международной теории — державничества и третьяримства. Державники интерпретируют свободу как политическую независимость, настаивая на приоритетности сильного и могущественного государства. Поскольку мир воспринимается ими как нескончаемая борьба за власть, державники убеждены, что без сильного государства Россия не сможет сохраниться и выжить. Наконец, для тех, кто видит в России независимую культуру и цивилизацию (Третий

¹⁰ См. подробнее в: [12].

Рим), вторичными являются все остальные цели. Не политическая свобода и независимость, а духовное освобождение должно, по их мнению, рассматриваться в качестве главного внутреннего и международного приоритета.

Ни одна из представленных традиций не является внутренне однородной, и каждая развивается в полемике друг с другом и находится под влиянием различных представителей западной мысли. Например, ранее западничество развивалось под влиянием католической мысли, а позднее, в зависимости от его разновидностей, под влиянием Шарля Монtesкье, Иммануила Канта, Жан-Жака Руссо и других европейских философов. Державники тоже испытывали значительное влияние западных идей, и многие из них восторгались европейской дипломатией Клеменса Меттерниха и Отто Бисмарка, а также американской дипломатией Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского. Даже самобытно-третьяримская традиция русского мышления испытала значительное влияние западных идей — от немецкого романтизма до американских теоретиков плурализма цивилизаций.

Сегодня для дальнейшего развития РТМО следует активнее мобилизовывать накопленный российской мыслью массив теоретических знаний.

Необходимость

и возможность развития РТМО

Для дальнейшего развития РТМО необходимы новые интеллектуальные ориентиры, ресурсы и импульсы развития. Прежде всего российскому сообществу международников необходима дискуссия о необходимости формиро-

вания национальной школы в глобальной ТМО. Независимо от результатов, сам факт проведения такой дискуссии мог бы стать толчком в развитии РТМО. Российская наука МО во многом продолжает жить заимствованиями западных теорий, не задаваясь вопросом о характере и последствиях такого заимствования. Между тем необходимость учиться у Запада (и не только у него) не отменяет, а предполагает необходимость размышлять о возможностях и границах такого заимствования в интересах сохранения исторически сформировавшейся российской идентичности и системы ценностей.

Необходимость дальнейшего развития «русского взгляния» (Аксаков) обуславливается целым рядом особенностей географического, социокультурного и политико-экономического положения России в мире. Во-первых, на развитие РТМО не может не наложить свой отпечаток глубокое своеобразие страны, ставшее сплавом целого ряда характеристик: преимущественно православного вероисповедания, широты пространства и geopolитических вызовов по периметру протяженных сухопутных границ, межцивилизационного культурного положения, довестфальских имперских корней, полупериферийности в системе глобальных экономических связей, антибуржуазности массовых социальных слоев и многое другое. Во-вторых, необходимость развития РТМО диктуется реалиями глобальной конкуренции. Если прав был Карр, что западная теория международных отношений учит Запад искусству управления миром с позиции силы, то развитие международной теории за пределами США и Европы является

непременным условием обретения глобального политического равновесия. Давно сказано, что не желающие кормить свою армию будут кормить чужую. Нежелание же вкладывать необходимые ресурсы в развитие РТМО неизбежно обернется тем, что россияне утратят самостоятельную систему взглядов и ценностей. Такая система формировалась в России на протяжении веков, не раз помогая ей ответить на международные вызовы. Сегодня таким вызовом является становление многополярного мира. Если российское руководство претендует на внесение в становление этого мира заметного вклада, то формированию национальной международной теории нет альтернативы.

В связи с этим можно сформулировать две гипотезы, касающиеся развития РТМО и национальной общественной науки в условиях возросшей глобальной информационной открытости. Первое: чем своеобразнее культура страны, тем более активны будут усилия интеллектуального класса по созданию и развитию национальной модели мягкой силы и развития общественных наук в целях адаптации к условиям глобального мира. Второе: чем сильнее давление заимствовать инокультурные идеи (а с ними и ценности), тем более значительными должны быть материальные ресурсы страны, затрачиваемые на сохранение собственной интеллектуальной автономии и сопротивление опасности идейной колонизации.

Думается, что России может и должна принадлежать важная роль в процессе формирования глобальной плюралистической теории международных отношений. Сомневающиеся в справедливости такого утверждения могут

указать на то, что международные отношения как предмет преподавания и научная дисциплина развиваются в России сравнительно недавно, лишь со временем окончания холодной войны, и, следовательно, гораздо менее развиты, чем такие дисциплины, как политология, социология или экономика. Но молодость преподавательской дисциплины международных отношений не означает, что размышления о мире являются для русских чем-то принципиально новым. Эти размышления, развивающиеся на протяжении многих столетий, следует считать совокупным вкладом в РТМО. Если же они не кажутся кому-то вполне стройными и систематизированными, то не эти ли размышления следует взять за основу в целях развития национальной теории международных отношений?

Формирующейся сегодня РТМО предстоит обратиться к русским корням, кои глубоки и разнообразны. При этом важно учитывать не только социокультурное своеобразие общественных наук, но и органичное для любой теории стремление преодолеть контекстуальную зависимость. Любая теория сильна попытками подняться над описанием и выявить общие тенденции развития предмета. Следовательно, она должна вырабатываться не только на материале национальных споров, но и путем ее постоянного сопоставления с процессами развития иных школ международной теории. Оптимальным для России является путь диалога с доминирующими и критическими направлениями международной теории на Западе и на Востоке. Особенно важно соизмерять русские размышления о мире с западными концепциями и теориями,

поскольку последние являются наиболее систематизированными и аналитически развитыми. Освоение западного интеллектуального наследия является важнейшим условием развития российского обществоведения. Такое освоение было и всегда будет необходимым, хотя и недостаточным условием прогресса российского знания.

Таким образом, путь к формированию российской международной теории во многом лежит через воссоздание интеллектуальных традиций размышлений о мире, начиная со времен возникновения русского государства. Наличие таких традиций в государстве с тысячелетней историей едва ли подлежит какому-либо сомнению. Русские уже не первое столетие размышляют и спорят о том, как взаимодействовать с миром, задаваясь вопросами о национальных границах, характере евразийского окружения и системы международных отношений, специфике получения знаний о мире, природе насилия и принципах взаимосвязей человека и природы. Все эти и многие другие вопросы относятся к предмету международных отношений, а следовательно, вполне возможно попытаться реконструировать варианты их осмысления в российских условиях.

РТМО: образ желаемого будущего

Выстраивать международную теорию в России следует, руководствуясь пониманием наличных условий развития страны и мира и тем, какие решения предлагались русской мыслью в аналогичных условиях. Можно выделить три наличных, относительно долговременных условия мирового развития. Во-первых, это связанная со становлением многополярности политическая и эко-

номическая неустойчивость мира. Во-вторых, это диктуемая задачами российской модернизации потребность в новых зарубежных технологиях и инвестициях в национальную экономику. В-третьих, продолжающийся кризис российской идентичности и ослабление системы русских ценностей. Каждое из этих условий обсуждалось в русской международной теорией, причем различные традиции и школы предлагали свои способы на них реагирования. Державники обращали внимание на развивающуюся в мире систему союзов и полюсов, западники вели речь о модернизации, а третьеримцы о возрождении ценностей. Хотя полноценное синтезирование рекомендаций различных традиций было бы невозможно — слишком глубоки имеющиеся между ними понятийные и идеологические различия — современная международная теория должна стремиться к максимально интегральному осмыслению отмеченных условий. Только такая интеграция может стать надежным компасом для движения в глобальном мире.

В заключение намечу лишь один из возможных синтезов различных традиций русского мышления в целях формирования образа желаемого глобального будущего. С точки зрения трех отмеченных условий российского развития оптимальным было бы соединение умеренного изоляционизма и прагматического сотрудничества с внешним миром в целях создания условий для внутренней модернизации и преодоления ценностного кризиса. Первые два условия указывают на необходимость выработки международной мыслью возможностей создания незатратной системы безопасности и сфер глобального при-

влечения инвестиций в российскую экономику. Третье условие указывает на необходимость формирования достаточного материального и идеиного пространства для широкого обсуждения вопроса о ценностях. Вопрос о том, какие из русских ценностей следует мобилизовывать и развивать в современных условиях для обустройства России и мира, должен стать центральным в русской международной теории. Думаю, что в обсуждении данного вопроса важно понимание относительной независимости своей системы ценностей от ценностей других народов и цивилизаций. Русские ценности и культурные ориентации не могут быть суммированы в понятиях «Запад», «Евразия», «Евровосток» и т.п. Эти понятия тяготеют к принижению культурного предназначения России, страны с многовековым опытом, особой геополитической идентичностью и миссией поддержания культурно-цивилизационного и политического баланса в мире. Очевидно и то, что русские ценности глубже определяемых элитами ориентаций и относятся к народу в целом, выступающему основным субъектом и целью всех предпринимаемых властью реформ и внешнеполитических начинаний.

При этом нет оснований противопоставлять одну систему ценностных ориентаций другой: в трансконтинентальной стране, какой является Россия, западничество может сочетаться и даже органически соединяться с плодотворным сотрудничеством с другими частями мировой системы. Россия может сближаться как с Западом, так и Востоком, оставаясь при этом Россией. Осознание себя в качестве цивилизации с самостоятельной системой политико-

экономических, исторических и культурных ценностей не означает, что у России нет общих ценностей с другими странами и регионами. Цивилизации не только конкурируют, но и пересекаются и активно взаимодействуют друг с другом. У России, как страны, находящейся на географическом пересечении Запада, Востока и Азии, имеются особые возможности для диалога с другими. Ценностные системы могут выстраиваться на различных уровнях. В каких-то аспектах России будет легче находить общий язык с некоторыми странами, а в каких-то — с другими. Например, в вопросах прав человека и либеральной демократии трения с западными странами будут неизбежны, но у России есть немало общего с Западом с точки зрения общей истории, культуры и стремления создавать ответственное государство. Подобного рода ценностные иерархии следует выстраивать и в отношениях с другими странами. В целом мир ценностей будет напоминать не хантингтоновскую картину столкновения цивилизаций, а сложную картину их взаимопересечения и иерархического взаимодействия.

В содержательном плане российские ценности должны быть сформулированы не как противоречащие идеалам державничества или западничества, а как делающие их реализацию возможной на более широком культурно-цивилизационном основании. Державничество и стремление к демократии должны быть интегрированы в российскую систему ценностей как необходимые, хотя и недостаточные условия. От демократии следует не отказываться, а встраивать ее в свой культурно-смысловой контекст и систему на-

циональных приоритетов. Кстати, за пределами западных стран демократия играет значимую роль, но редко находится в центре государственного развития. Ведь наряду с демократией и защитой основных прав граждан, государство обязано гарантировать стабильность, выполнение значимых социальных программ и безопасность от внешних угроз.

Со временем на основе широко обсуждения будет выработана новая концепция российских ценностей. Имея в виду уже сделанное в русской самобытной теории, очевидно, что такая концепция будет учитывать идеи духовной свободы, социальной справедливости

и трансэтнического единства. Будучи сформулированы, российские ценности не только станут руководством к практическому действию, но и будут прописаны в российской внешнеполитической доктрине как подлежащие защите и распространению, подобно тому как ценности либеральной демократии прописаны во внешнеполитической доктрине США. Со временем станет возможным ориентироваться не только на отстаивание, но и активное распространение российских ценностей в мире. Без такой ориентации внешняя политика обречена на идеологически оборонительный характер, реагируя на вызовы западной и иных цивилизаций.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения / А.Д. Богатуров // *Pro et Contra*. 2000. Т. 5. № 1. С. 201.
2. Дугин А.Г. Международные отношения: парадигмы, теории, социология / А.Г. Дугин. М., 2013.
3. Кавелин К.Д. Наш умственный строй / К.Д. Кавелин. М., 1989. С. 623.
4. Конышев В., Сергунин А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? / В. Конышев, А. Сергунин // *Полис*. 2013. № 2.
5. Лебедева М.М. Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя / М.М. Лебедева. Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2013. С. 12–13.
6. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в. / под ред. Т.А. Шакleinой, А.А. Байкова. М., 2013.
7. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова. М., 2005.
8. Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. М., 2012.
9. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьев. М., 1989. Т. 1. С. 297.
10. Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи демократического мира / А. Цыганков, П. Цыганков // *Международные процессы*. 2005. Т. 3. № 3.
11. Цыганков А., Цыганков П. Социология международных отношений / А. Цыганков, П. Цыганков. М., 2008.
12. Цыганков А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли / А.П. Цыганков. М., 2013.
13. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Основные тенденции в развитии российской ТМО. Глава 1 / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. Российская наука международных отношений.
14. Цыганков П. Теория международных отношений / П. Цыганков. М., 2005.
15. Acharya A. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theory Beyond the West // *Millennium: Journal of International Studies* 39, 3, 2011.
16. Alker H.R. and T.J. Biersteker. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savior Faire // *International Studies Quarterly*. 1984. Vol. 28. № 2.
17. Alker H.R. Dialectical Foundations of Global Disparities // *International Studies Quarterly*, vol. 25, No. 1, 1982.

18. Alker H.R., Biersteker T.J. and Inoguchi T. From Imperial Power Balancing to People's Wars / International/Intertextual Relations / ed. by J. Der-Derian and M.J. Shapiro. New York, 1989.
19. Alker H.R., T. Amin, T. Biersteker, and T. Inoguchi. How Should We Theorize Contemporary Macro-Encounters: In Terms of Superstates, World Orders, or Civilizations? // "Encounters Among Civilizations", Third Pan-European International Relations Conference, SGIR-ISA, Vienna, Austria, September 16-19, 1998.
20. Anglo-America and its Discontents: Civilizational Identities beyond West and East, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2012.
21. Aydinli E. and J. Mathews. Are the Core and Periphery Irreconcilable? The Curious World of Publishing in Contemporary International Relations // International Studies Perspectives. 2000. 1, 3.
22. Bilgin P. Thinking past 'Western' IR // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29. № 1.
23. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. London, 2001, p. xiii.
24. Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2009.
25. Claiming the International, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2013.
26. Decolonizing International Relations, ed. by B.G. Jones. Lanham, 2006.
27. Doyle M.W. Ways of War and Peace: Realism, Liberalism and Socialism. New York, 1997.
28. Habermas J. Theory and Practice. Boston, 1973.
29. Hagmann J. and Biersteker T.J. Beyond the published discipline: Towards a critical pedagogy of international studies // European Journal of International Relations. 2012. 18.
30. Harding S. Is Science Multicultural? Postcolonialism, Feminism, and Epistemologies. Bloomington, 1998, p. 12.
31. Hobson J.M. The Eurocentric conception of world politics western international theory, 1760-2010. Cambridge, 2012.
32. Hoffmann S. An American Social Science: International Relations // Daedalus 106, 3, 1977.
33. Hutchings K. Dialogue between Whom? The Role of the West/Non-West Distinction in Promoting Global Dialogue in IR // Millennium: Journal of International Studies. 2011. Vol. 39. № 3.
34. Inayatullah N. and D.L. Blaney. Knowing Encounters: Beyond Parochialism in International Relations Theory // The Return of Culture and Identity in IR Theory / Ed. by Yosef Lapid and Friedrich Kratochwil. Boulder, 1996.
35. International Relations — Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought, ed. by R.M.A. Crawford and D.S. Jarvis. Albany, 2001.
36. International Relations Scholarship around the World, ed. by A.B. Tickner and O. Wæver. London, 2009; Thinking International Relations Differently, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2012; Claiming the International, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2013.
37. Jackson P.T. The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics. London, 2011.
38. Knutsen O. A history of international relations theory. Manchester, 1997.
39. La Perspective en Relations internationales / ed. Helene Pellerin. Montreal, 2010.
40. Makarychev A. and V. Morozov. Is "Non-Western Theory" Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // International Studies Review 2013. Vol. 15. P. 332, 335.
41. Nayak M. and E. Selbin. Decentering International Relations. London, 2010.
42. Non-Western International Relations Theory, ed. by A. Acharya and B. Buzan. London, 2010.
43. Shani G. Toward a post-Western IR: The Umma, Khalsa Panth, and critical International Relations theory // International Studies Review. 2008. Vol. 10. № 4.
44. Sinicization and the Rise of China: Civilizational Processes Beyond East and West, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2012.
45. Snyder J. Some Good and Bad Reasons for a Distinctively Chinese Approach to International Relations Theory // Paper presented at the annual meeting of American Political Science Association, Boston, August 28, 2008, p. 10.
46. Thinking International Relations Differently, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2012.
47. Tickner A. Core, periphery and (neo)imperialist International Relations // European Journal of International Relations. 2013. 19.

48. Tsygankov A.P. and Tsygankov P.A. National Ideology and IR Theory: Three Reincarnations of the “Russian Idea” // European Journal of International Relations 2010. Vol. 16. № 4.
49. Tsygankov A.P. Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // International Studies Review. 2008. Vol. 10. № 4.
50. Van der Dennen J. M.G. Ethnocentrism and In-group / Out-group Differentiation: A Review and Interpretation of the Literature // The Sociobiology of Ethnocentrism. Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism and Nationalism, ed. by Vernon Reynolds, Vincent Falgar and Ian Vine. London & Sydney, 1987.
51. Waever O. The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations // International Organization. 1998. Vol. 52. № 4.

Российская теория международных отношений: какой ей быть?

Цыганков Андрей Павлович, профессор кафедры международных отношений и политических наук Государственного университета Сан-Франциско, Ph.D.

Аннотация. В развитии российских международных исследований возникает ряд проблем, связанных со слабым развитием эмпирических исследований и чрезмерной абстрактностью теоретических работ. Статья предлагает осмысливать развитие российской теории международных отношений (РТМО) для преодоления новых экономических, политических и этнокультурных разломов. РТМО все еще находится в процессе формирования, нередко раздираясь в противоречиях и борьбе взаимоисключающих универсалистского и изоляционистского подходов. В статье поднимается вопрос о необходимости преодоления крайних подходов через сокращение разрыва между преподаванием международных отношений (МО) и русской политической мысли. Для развития международных исследований в России необходимо глубокое знание своих собственных интеллектуальных корней, что невозможно без изучения русской мысли.

Ключевые слова: МО, РТМО, универсалистский подход, изоляционистский подход, русская политическая мысль.

Russia International Relations Theory: What Should it be Like?

Andrei Tsygankov, Professor Chair of International Relations and Political Science, San Francisco State University, Ph.D.

Abstract. Russian IR theory faces many difficulties including underdevelopment of empiric research and overall abstract approach of theoretic studies. The article suggests to reconsider the development of the Russian IR theory in order to face the new economic, political and ethno-cultural challenges. The formation of Russian IR theory is still underway, and it is characterized by contradictions and the presence of mutually exclusive universalist and isolationist approaches. The article raises the question of overcoming the extreme approaches in the IR theory through reducing the gap between the teaching of IR and Russian political thought. The article concludes that the development of IR in Russia requires deep knowledge of its intellectual roots, thus the study of the Russian political thought becomes the necessity.

Key words: IR, Russian International relations theory, universalism, solationalism, Russian political thought.

References

1. Bogatyrov A.D. Desiat' let paradigm osvoyeniya // Pro et Contra. 2000. T. 5. № 1.
2. Dugin A.G. Mezhdunarodnye otnosheniya: paradigmy, teorii, sotsiologiya. M., 2013.
3. Kavelin K.D. Nash umstvennyi stroi. Moskva, 1989.
4. Konishev V., Sergunin A. Teoriya mezhdunarodnikh otnosheniy: kanun novikh "velikikh debatov"? // Polis. 2013. № 2.
5. Lebedeva M.M. Rossiyskiye issledovaniya I obrazovaniye v oblasti mezhdunarodnikh otnosheniy: 20 let spustia. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moskva, 2013.
6. Megatrendi: Osnovniye traektorii evolutsiyi mirovogo poriadka v XXI veke / eds. T.A. Shakleina, A.A. Baikov. Moskva, 2013.
7. Rossiyskaya nauka mezhdunarodnikh otnosheniy: novye napravleniya. Eds. A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. Moskva, 2005.
8. Sovremennyye mezhdunarodniye otnosheniya / ed. A.V. Torkunov. Moskva, 2012.
9. Soloviyyev V.S. Sochineniya v dvukh tomakh. Moskva, 1989.
10. Tsygankov A., Tsigankov P. Krizis ideiy demokraticeskogo mira // Mezhdunarodnuye protsessi. 2005. Vol. 3. № 3.
11. Tsygankov A., Tsigankov P. Sotsiologiya mexhdunarodnikh otnosheniy. Moskva, 2008.
12. Tsygankov A.P. Mezhdunarodniye otnosheniya: traditsiyi russkoi politicheskoi misli. Moskva, 2013.
13. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Osmovniye tendentsiyi v razvitiyi rossiyskoy TMO. Glava 1 / Rossiyskaya nauka mezhdunarodnikh otnosheniy.
14. Tsygankov P. Teoriya mezhdunarodnikh otnosheniy. Moskva, 2005.
15. Acharya A. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theory Beyond the West // Millennium: Journal of International Studies 39, 3, 2011.
16. Alker H.R. and T.J. Biersteker. The Dialectics of World Order: Notes for a Future Archeologist of International Savior Faire // International Studies Quarterly. 1984. Vol. 28. № 2.
17. Alker H.R. Dialectical Foundations of Global Disparities // International Studies Quarterly, vol. 25, No. 1, 1982/
18. Alker H.R., Biersteker T.J. and Inoguchi T. From Imperial Power Balancing to People's Wars / International/Intertextual Relations / ed. by J. Der-Derian and M.J. Shapiro. New York, 1989.
19. Alker H.R., T. Amin, T. Biersteker, and T. Inoguchi. How Should We Theorize Contemporary Macro-Encounters: In Terms of Superstates, World Orders, or Civilizations? // "Encounters Among Civilizations", Third Pan-European International Relations Conference, SGIR-ISA, Vienna, Austria, September 16-19, 1998.
20. Anglo-America and its Discontents: Civilizational Identities beyond West and East, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2012.
21. Aydinli E. and J. Mathews. Are the Core and Periphery Irreconcilable? The Curious World of Publishing in Contemporary International Relations // International Studies Perspectives. 2000. 1, 3.
22. Bilgin P. Thinking past 'Western' IR // Third World Quarterly. 2008. Vol. 29. № 1.
23. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. London, 2001, p. xiii.
24. Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2009.
25. Claiming the International, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2013.
26. Decolonizing International Relations, ed. by B.G. Jones. Lanham, 2006.
27. Doyle M.W. Ways of War and Peace: Realism, Liberalism and Socialism. New York, 1997.
28. Habermas J. Theory and Practice. Boston, 1973.
29. Hagmann J. and Biersteker T.J. Beyond the published discipline: Towards a critical pedagogy of international studies // European Journal of International Relations. 2012. 18.
30. Harding S. Is Science Multicultural? Postcolonialism, Feminism, and Epistemologies. Bloomington, 1998, p. 12.
31. Hobson J.M. The Eurocentric conception of world politics western international theory, 1760-2010. Cambridge, 2012.
32. Hoffmann S. An American Social Science: International Relations. // Daedalus 106, 3, 1977.
33. Hutchings K. Dialogue between Whom? The Role of the West/Non-West Distinction in Promoting Global Dialogue in IR // Millennium: Journal of International Studies. 2011. Vol. 39. № 3.

34. Inayatullah N. and D.L. Blaney. Knowing Encounters: Beyond Parochialism in International Relations Theory // *The Return of Culture and Identity in IR Theory* / ed. by Yosef Lapid and Friedrich Kratochwil. Boulder, 1996.
35. International Relations — Still an American Social Science? Toward Diversity in International Thought, ed. by R.M.A. Crawford and D.S. Jarvis. Albany, 2001.
36. International Relations Scholarship around the World, ed. by A.B. Tickner and O. Wer. London, 2009; Thinking International Relations Differently, ed. by A.B. Tickner and D. L. Blaney, 2012; Claiming the International, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2013.
37. Jackson P.T. *The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics*. London, 2011.
38. Knutsen O. *A history of international relations theory*. Manchester, 1997.
39. La Perspective en Relations internationales / ed. Helene Pellerin. Montreal, 2010.
40. Makarychev A. and V. Morozov. Is “Non-Western Theory” Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // *International Studies Review* 2013. Vol. 15. P. 332, 335.
41. Nayak M. and E. Selbin. *Decentering International Relations*. London, 2010.
42. Non-Western International Relations Theory, edited by A. Acharya and B. Buzan. London, 2010.
43. Shani G. Toward a post-Western IR: The Umma, Khalsa Panth, and critical International Relations theory // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10. № 4.
44. Sinicization and the Rise of China: Civilizational Processes Beyond East and West, ed. by Peter J. Katzenstein. London, 2012.
45. Snyder J. Some Good and Bad Reasons for a Distinctively Chinese Approach to International Relations Theory // Paper presented at the annual meeting of American Political Science Association, Boston, August 28, 2008, p. 10.
46. Thinking International Relations Differently, ed. by A.B. Tickner and D.L. Blaney, 2012.
47. Tickner A. Core, periphery and (neo)imperialist International Relations // *European Journal of International Relations*. 2013. 19.
48. Tsygankov A.P. and Tsygankov P.A. National Ideology and IR Theory: Three Reincarnations of the “Russian Idea” // *European Journal of International Relations* 2010. Vol. 16. № 4.
49. Tsygankov A.P. Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10. № 4.
50. Van der Dennen J. M.G. Ethnocentrism and In-group / Out-group Differentiation: A Review and Interpretation of the Literature // *The Sociobiology of Ethnocentrism. Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism and Nationalism*, ed. by Vernon Reynolds, Vincent Falgar and Ian Vine. London & Sydney, 1987.
51. Waever O. The Sociology of a Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations // *International Organization*. 1998. Vol. 52. № 4.